

В последнее время Линь Сяоча чувствовала, что Хань Юй был немного странным, особенно когда он был неоправданно горячим, когда они были вместе. Раньше она думала, что, наверное, все мужчины в мире культивации такие. Но сейчас Хань Юй, стоявший у двери, пылал красным, как огонь.

Этот мужчина, который раньше был словно лед, в этот момент был похож на пламя, которое могло сжечь все.

Линь Сяоча была потрясена пламенем его тела и красными глазами. Как она могла все еще иметь смелость, чтобы говорить?

Он медленно отвел свои великолепные глаза от девушки, когда увидел, что она замолчала, и повернулся, чтобы уйти.

Линь Сяоча, сидевшая на кровати, безучастно смотрела ему в спину. Она до сих пор не знала, почему он ушел.

Вместо того чтобы выяснять, почему он горит как огонь, Линь Сяоча считала, что важнее подумать о том, как избавиться от нынешней ситуации.

*

Линь Ишань запустил руки в поседевшие за ночь волосы и вздохнул.

Цзян Чэнцзы утешил его: "На самом деле, городскому лорду не стоит сильно волноваться. Хань Юй культивировал свое сердце в течение восьми тысяч лет. Он точно не причинит вреда вашей дочери".

Цин Ранцзюнь сказал: "Я согласен с этим. Просто я не понимаю одной вещи".

Цзян Чэнцзы: "В чем дело?"

Цин Ранцзюнь рассмеялся, прежде чем ответить, и выпил вино из своего кувшина: "Почему птицы за пределами храма такие шумные?".

Другие старейшины не слышали птиц.

Но Цзян Чэнцзы и Линь Ишань поняли, что он насмехается над королевской семьей Фэн. В начале своего правления семья Фэн была в порядке, но теперь они стали более деспотичными и экстравагантными. Как мог Хань Юй, Птица Вермилион, закрывать на это глаза?

Цзян Чэнцзы неторопливо сказал: "То, что он видит в своих глазах, - это длительное сохранение жизни. Он видел все взлеты и падения династий и привык к этому. Ему нелегко вмешиваться в дела мира. Только два года назад, когда раса демонов подняла волну и доставила людям много хлопот, он лично спустился с горы, чтобы убрать Короля Демонов. Но с тех пор, я не знаю, что произошло, его печать начала ослабевать."

*

Линь Сяоча лежал в постели в оцепенении.

Система дрожащим голосом сказала: [Хост, что нам делать дальше?]

Линь Сяоча почти забыла об этой системе. Ведь с тех пор, как она отругала ее в прошлый раз, она пряталась и молчала. Вероятно, ее мучает совесть.

Что же делать? При мысли о ста миллионах в ее мозгу начался хаос. Очевидно, она была всего в одном шаге от него.

Странно, что она даже не может думать о ста миллионах, а думает о том, что он сказал перед уходом.

Одержимый?

Так он заставляет ее остаться здесь только из-за собственничества?

Из-за того, что они были связаны, он считает ее своей собственностью?

Система увидела, что она не ответила: [Хост, пожалуйста, тоже съешь что-нибудь. Возможно ли, что вы готовы уморить себя голодом, чтобы вернуться в изначальный мир?]

Линь Сяоча: [Сяо Тун, мне пока не интересно заниматься самобичеванием.]

Она хотела поиграть с ним. Посмотрим, кто сдастся первым!

Она поспорила, что в конце концов он не выдержит.

Потому что каждый раз, когда она просыпалась, на столе была новая еда, но она не видела его.

Линь Сяоча всегда была жестока к себе. Когда она училась на первом курсе колледжа, ее вес превышал девяносто килограммов. Поэтому она постилась семь дней и даже упала в обморок в коридоре.

Голодать день или два - это для нее пустяк. К тому же, она очень устала после того, как кувыркнулся с ней. Теперь она хотела расслабиться.

Так прошел еще один день.

Поскольку всегда было светло, Линь Сяоча подсчитала дни по количеству блюд на столе, и получилось, что прошло три дня.

Дверь внезапно открылась. В сопровождении палящего зноя вошел Хань Юй.

Он посмотрел на нетронутые рис и овощи на столе и поднял крышку чашки с супом. Линь Сяоча услышала только звон фарфора и поняла, что он плотно закрыл крышку.

Последние три дня она не только не приходила его умолять, но и вообще ничего не ела.

Он смотрел на кровать красными глазами. Она опустила занавеску, словно не хотела видеть его или позволить ему увидеть ее.

Он подошел к кровати и открыл занавеску.

Маленькая девочка лежала на боку, спиной к нему. Ее фигура была изящной, но не уверен, что это была иллюзия, она выглядела худее. Ее талия была еще более впалой, чем раньше.

Хань Юй понял, что она не спит, услышав ее дыхание. Но она неподвижно лежала лицом к стене. По ее виду было видно, что она злится на него.

Он издал гневный вздох. Он снял с нее одеяло и стащил ее на край кровати.

Линь Сяоча придерживалась политики ненасилия и отказа от сотрудничества. Она не сопротивлялась и позволила ему обнять себя.

Он подошел к столу и сел с ней на колени. Он обхватил ее одной рукой, а другой рукой стал кормить ее ложкой риса.

"Открой рот". Его тон был приказным, с легким гневом.

Но девочка плотно закрыла рот и выглядела очень упрямой.

Хань Юй прямо вложил ложку в ее бескровные губы, но она крепко стиснула зубы.

Услышав звук "лязг", Хань Юй бросил фарфоровую ложку на землю, разбив ее вдребезги.

Маленькая девочка в его руках была настолько упряма, что даже не моргнула глазом, но позволила ему нежно обнять ее.

Линь Сяоча играл с ним на жизнь и смерть. Может ли он открыть ей рот и влить туда еду?

Кулаки Хань Юя закрипели от гнева.

Затем он улыбнулся: "Ты думаешь, я действительно ничего не могу с тобой сделать?"

После этих слов он достал из сумки бамбуковую трубку. Бамбуковая трубка была наполнена духовной бамбуковой водой с пика Ваньчжу, в которой была собрана сущность солнца и луны. Она могла помочь ученикам, которые только начали соблюдать пост, пройти через самый сложный этап.

Линь Сяоча не знала, что это такое, но видела, как он открыл бамбуковую трубочку и выпил содержимое.

У нее было плохое предчувствие. Она хотела прыгнуть с его ног, но ее крепко обхватили за талию. Он поднял ее подбородок, держа в руке бамбуковую трубку, и в то же время его мягкие и горячие губы прильнули к ее губам.

Линь Сяоча расширила глаза и посмотрела на него. Из-за того, что он был так близко, ей показалось, что из его остекленевших зрачков виднеется море огня, и она почувствовала, что Хань Юй в данный момент очень странный.

Она попыталась оттолкнуть его рукой, но его рука ловко сжала ее запястья.

Она голодала три дня и не имела много энергии. После некоторой борьбы у нее закружилась голова. Он легко раздвинул ее губы и зубы, и сладкий сок полился ей в рот.

Сок мгновенно проник в каждую жилку ее тела, и ее слабые конечности, казалось, в одно мгновение обрели силу.

Но что толку от силы? Она все равно не может с ним бороться.

Она только-только пришла в себя, а Хань Юй уже начал делать второй глоток.

Линь Сяоча как раз собиралась высказать свой протест, поэтому он воспользовался ситуацией и даже не стал разжимать ей губы и зубы.

Как только он выпил в третий раз, Линь Сяоча опустила руки и сдалась: "Я сама выпью!". Разве мне не достаточно того, что я его пью?

Хань Юй скривил губы и улыбнулся без всякой теплоты: "Как ты думаешь, сколько воды в этом духовном бамбуке?"

Затем он бросил бамбуковую трубку, и она покатилась в сторону.

Но его другая рука все еще держала ее за запястья, прижимая ее к своей ноге.

"Может, хватит создавать проблемы?" холодно спросил Хань Юй, все еще немного злясь.

Линь Сяоча начала чувствовать себя обиженной и сказала, "Ты не понимаешь смысла".

Хань Юй слабо улыбнулся: "Ты знаешь, что в начале хаоса, в мире нет причин. Только сильные и слабые стороны".

Сказав это, он отпустил ее запястья. Его большие ладони снова прижались к ее талии, прижимая ее к своему телу. Линь Сяоча прижалась к нему, тихо хмыкнув.

Ему очень нравилось ощущать ее маленькие горные вершины на себе. Он отодвинул рукой ее длинные волосы назад, обнажив ее маленькие ушки, а затем прикусил их.

Линь Сяоча была в восторге. Ее ногти вцепились ему в спину.

"Ненавистный~" Ее голос всегда был вязким, всегда было непонятно, отказывается она или приветствует. Он никогда не знал, раздражена она или нет.

"Правда?" Голос Хань Юя был низким, но он отпустил ее.

Она хотела встать с его колен, но гневная и могучая аура на его теле и пламя в глазах, которое, казалось, вот-вот сожжет все в пепел, заставили ее немного смутиться.

Но ее ненасильственное и несотрудническое действие еще не было закончено. Она сидела на его коленях с суровым лицом и не произносила ни слова.

Хань Юй чуть не рассмеялся над ее надменным видом.

В это время лицо Линь Сяоча уже не было таким бледным и слабым, как раньше. Ее маленький

рот стал еще более румяным и кристально чистым.

Увидев неприкрытый взгляд Хань Юя, Линь Сяоча покраснела и стала выглядеть еще более кокетливой, но выражение ее лица было серьезным.

Хань Юй наблюдал за ней со странной улыбкой. Как долго она сможет просидеть в таком положении?

На самом деле, Линь Сяоча чувствовала, что продержалась достаточно долго, но сначала она забыла, что собеседник был старым монстром, который практиковал тысячи лет. Он мог сохранять одну позу десятилетиями.

Нет, я не могу сидеть на нем вечно.

Поэтому она планировала перейти к более логичному и разумному способу протеста, например, вернуться в кровать и лечь.

Она набралась смелости и встала с его колен, не обращая внимания на недовольство на его лице.

Она просто встала и прошла несколько шагов, но вдруг обнаружила, что ее с силой тянут и толкают, заставляя прислониться к стене.

Он стоял перед ней, загораживая ослепительный свет. Линь Сяоча не смотрела на него прямо сейчас. Но в этот момент она подняла глаза и увидела, что его взгляд неприятен и агрессивен.

Ее сердце тут же екнуло. Она обнаружила, что слева и справа пути все еще свободны, поэтому повернулась налево и приготовилась уходить. В это время его длинная рука вытянулась и прижалась к стене, преграждая ей путь.

Линь Сяоча повернулась и побежала направо, но Хань Юй тут же уперся другой рукой в стену.

Линь Сяоча увидел щель между его руками. Из-за разницы в росте между ними она могла пролезть, если бы согнула свое тело. Впервые она почувствовала, что низкий рост тоже имеет свои преимущества.

Неожиданно она не наклонилась, а была обхвачена за талию и приподнята. Его колени прошли между ее ног и прижали ее к стене, а Линь Сяоча снова устроилась у него на коленях.

Она покраснела: "Уу~ Это неудобно~".

"Мне очень удобно".

Линь Сяоча: ...

Она действительно была невысокой, так что это могло помочь Хань Юю сделать то, что он хотел.

Линь Сяоча посмотрела на приближающегося Хань Юя и повернула голову, не желая сотрудничать. Хань Юй тоже был довольно терпелив. Он проследил за направлением ее головы, но Линь Сяоча снова повернулась в одну сторону. Когда она собиралась продолжить избегать его, Хань Юй одной рукой придержал ее затылок, чтобы она не двигалась.

От нее исходил аромат его любимого чая.

Он уже давно думал о ней: считать ее духом чайного дерева и посадить в своем чайном саду, питать дождем и росой, не давать ей привлекать пчел и бабочек.

Его приводила в ярость мысль о том, что она привлекает пчел и бабочек.

Линь Сяоча поняла, что он стал еще более беспринципным, чем раньше. Он был похож на бедствие, скрывающееся под прекрасной кожей. Он продолжал высасывать ее, пока Линь Сяоча не почувствовала, что небо кружится, и действительно было что-то похожее на чувство удушья.

Ее сердце готово было выпрыгнуть, все тело било током, а мозг не мог соображать. Она помнила только, что яростно сопротивлялась, но это было бесполезно. Она обнаружила, что чем больше она сопротивлялась, тем яростнее он ее целовал.

Как зверь, встретивший свою добычу, чем больше добыча сопротивляется, тем сильнее возбуждается зверь.

Он не отпускал ее, пока она не начинала задыхаться, и тогда он продолжал снова.

Кто знает, сколько времени прошло, прежде чем он отпустил ее. Она покраснела и задыхалась. Все ее тело было таким мягким, что она была парализована в его объятиях. Ее глаза, казалось, были расфокусированы.

Все его тело уже было горячим. Глядя на очаровательную маленькую фею в своих руках, он сказал: "Ты должна быть в порядке после трехдневного отдыха?"

<http://tl.rulate.ru/book/57527/2873102>